

ТРИЛОГИЯ "МЕЛАНХОЛИЯ"

Стекланные тела

SVART MELANKOLI

Erik Axl Sund

Glaskroppar

ТРИЛОГИЯ “МЕЛАНХОЛИЯ”

Эрик Аксл Сунд
**Стеклянные
тела**

Перевод с шведского
Елены Тепляшиной

издательство **ACT** Москва

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4ШВЕ)-44
С89

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Published by agreement with SALOMONSSON AGENCY

С89 Сунд, Эрик Аксл.
Стекланные тела: роман / Эрик Аксл Сунд; пер. с швед.
Е. Тепляшиной. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. —
512 с. (Лучший скандинавский триллер).

ISBN 978-5-17-092451-6

Швецию охватила волна самоубийств: в разных уголках страны подростки лишают себя жизни самыми жуткими способами. Общий знаменатель в этих случаях — старые кассетные плееры с записями музыки, от которой становится не по себе даже полиции и автор которой — некто Голд. Вскоре Йенс Хуртиг, ведущий расследование, понимает, что самоубийства неясным образом связаны с чередой убийств влиятельных людей. И эта связь гораздо страшнее, чем можно было вообразить. Музыка, живопись, подавленные желания и задушенная ненависть, детские душевные травмы, месть, Бог и отсутствие Бога, неутолимая жажда жить и умереть — все это сплетается в клубок, распутать который пытаются герои романа, каждый по-своему. “Стекланные тела” — первая книга из задуманной трилогии “Меланхолия”.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4ШВЕ)-44

ISBN 978-5-17-092451-6

- © Erik Axl Sund, 2014
- © Е. Тепляшина, перевод на русский язык, 2017
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017
- Издательство CORPUS ®

Содержание

Фаза первая:

ШОК

9

Фаза вторая:

РЕАКЦИЯ

217

Фаза третья:

ОБРАБОТКА

333

Фаза четвертая:

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ

487

Фаза первая:

ШОК

*“Life is meant to be more than
this and this is a bum trip¹”.*

1 Жизнь должна быть чем-то большим, чем неудачное путешествие (Лу Рид, “*Caroline says II*”) (англ.). Здесь и далее примеч. перев.

ИДИТЕ К ЧЁРТУ

Салем

Ее зовут, как мать Христа, а живет она в южном Стокгольме, в Салеме, который отличается от Иерусалима пятью буквами.

Забытое богом место, думает она, поднимаясь по велосипедной дорожке, ведущей к серому многоквартирному дому. Дом погружен во тьму — снова отключили электричество, в третий раз за неделю; домофон не работает, и она достает ключи.

Руки дрожат — она сама не знает, от страха или от предвкушения.

В целлофановом пакете у нее в руке — семьсот пятьдесят граммов контрабандного русского спирта, а также литр жидкой хлорки.

Мария отпирает дверь квартиры и входит в темную прихожую. Ищет стеариновые свечи, ставит их на столик в гостиной, зажигает.

Вынимает телефон. Напоследок ей хочется по-

говорить с кем-то, кому она доверяет, а Ваня — единственная, кто, возможно, ее поймет. Ванье случилось опускаться на ту же глубину.

Это плохо — сравняться с кем-то в том, что ты достиг дна. Это болото, слепая елань бессмысленности, и чем больше трепыхаешься, тем глубже увязаешь.

Гудки плывут, но Ваня не отвечает.

Она ждет. Звонит Ванье еще несколько раз. Безуспешно.

Но ей необходимо с кем-нибудь поговорить, и за неимением других — пускай будет Исаак. Они не виделись со времени его последнего мастер-класса в “Лилии”, да и знают друг друга не так уж хорошо. Но он ей нравится. Исаак берет трубку прямо перед четвертым гудком.

— Привет, Мария! — Она слышит, что Исаак где-то на улице. Ветер задувает в микрофон. — Как дела?

От его голоса озноб немного отпускает, и Мария бросает взгляд на целлофановый пакет.

— Отлично, — врет она. — Как раз закончила автопортрет, вот!

На том конце фоном шумят волны, хохочут чайки.

Как непохоже на ее собственный саундтрек.

— Слушай, здорово! И нос получился? — Он смеется. Мария вспоминает, как они часами старались правильно передать ее кривоватый нос.

— Да, думаю, получился, — произносит она, и тут на нее накатывает желание быть честной и рассказать, каково ей на самом деле.

Рассказать об усталости и темноте. И о том, что она собирается сделать.

Но ничего не выйдет. Слова — это стена между ней и миром; ее слова покажутся Исааку набором банальностей.

Ее реальность — не его. Что для нее Эверест, для него — невысокая горка.

— Обалденно получился. — Она давит в себе крик, норовящий прорваться слезами, и отводит трубку ото рта, чтобы Исаак не слышал ее отчаяния.

Как же ей нужно, чтобы он расслышал ее немой крик о помощи! Но Исаак остается глух, и озноб снова пробирается в тело — медленно, но верно. Ничего она не рисовала. Ни единой линии не провела карандашом. Не хочется. Его курс ее не вдохновил, хотя это был отличный курс.

Ей вообще ничего не хочется.

Но она рассказывает о своих великих планах, о том, что ступила на путь, который куда-нибудь да приведет.

Вранье, всё вранье.

И она заканчивает разговор, ощущая пустоту и холод.

Моль мечется, влетела в пламя свечи. Вспыхнула, упала на стол. Обожженная, но еще живая; пусть останется на столе.

Мария забирает одну свечу с собой в комнату, достает дневник.

Никто не должен прочитать ее записи; вернувшись на диван, Мария вырывает листы из дневника, один за другим, и сминает их.

Воздух вдруг словно становится гуще. На кухне щелкает, потом доносится жужжание. Это холодильник. Дали электричество.

Мария задувает свечи, включает торшер и идет в прихожую, чтобы достать из кармана куртки кассетный плеер. В тот момент, когда она кладет плеер и скомканную бумагу на стол, торшер гаснет. Электричество снова отключили.

Сейчас она сделает себе больно в последний раз.

Мария Альвенгрен смешивает коктейль в темноте, в забытом богом месте, которое всего пятью буквами отличается от Иерусалима. Она не проливает ни капли.

Сто миллилитров водки, сто миллилитров жидкой хлорки.

Ее не рвет, когда она выпивает смертельный коктейль. После второго стакана тоже не рвет. И после следующих.

Она чувствует себя, как ребенок накануне Рождества. Как ребенок, чьи неугомонные пальцы трогают и трясут коробки, обернутые соблазнительной блестящей бумагой.

Ветер холодит голые запястья, когда она открывает дверь на балкон.

У нее в голове — Голод.

Из-за страха высоты напрягаются ноги. Это рефлексорное, готовность бежать.

Она — добыча, жертва.

ХУРТИГ

Остров Рунмарё

Последние солнечные лучи окрасили скалы и вершины деревьев розовым. Вода под нависшими ветвями стала в сумерках серо-синей, но рябина еще светила красным.

Два куска говяжьего филе с печеной картошкой и полбагета, запитые литром пива, сделали плюс семь градусов по-осеннему холодного Балтийского моря почти приятными. Исполняющему обязанности полицейского комиссара Йенсу Хуртигу было хорошо. Зазимовавший на мостках шезлонг прогнулся под тяжестью его тела; до арендованного домика рукой подать. Хуртиг чувствовал себя грузным, как островной ледниковый валун.

Хуртиг взглянул на скалы. Считается, что именно эти красные утесы дали острову имя. Древнешведское слово *Rudhne* вполне соответствовало тому, что видел сейчас Хуртиг.

Он услышал, как Исаак с беспокойством в голо-

се сказал кому-то “Пока!”, потом его шаги простучали по мосткам. Хуртиг пытался не слышать телефонный разговор, но кое-что все-таки уловил.

— Одной девушке надо было выговориться, — объяснил Исаак, снова садясь в шезлонг напротив.

Хуртиг кивнул и достал еще пару банок пива из стоящего на мостках ведра с водой.

— Вот когда они говорят “со мной все в порядке” — тут надо настрожиться, — продолжил Исаак, с водянистым щелчком открывая банку. — Хотя не знаю... Может, я зря дергаюсь.

— С кем ты разговаривал?

— С Марией.

— Ты хорошо ее знаешь?

Исаак провел рукой по волосам, глотнул пива, потом ответил:

— Вообще — не очень. Просто одна девочка из Салема, приходила на мои мастер-классы в “Лилии”. Молчунья. По-моему, сейчас она слишком разговаривалась, это-то меня и тревожит.

— А с сестренкой было наоборот. — На Хуртига нахлынули воспоминания пятнадцатилетней давности. — Всегда любила поболтать, но наш последний разговор вышел очень коротким.

Хуртига растревожило сочувствие, с каким глядел на него Исаак; он отвернулся, посмотрел на море, а потом продолжил:

— Она сказала: люблю тебя, братишка. И всё.

А потом положила трубку, пошла и повесилась, подумал Хуртиг.

Он слышал, как дышит Исаак. Долгие, разме-

ренные вдохи и выдохи, не попадавшие в такт с порывами ветра в деревьях, окружавших домик. По жестяной крыше стучала ветка. Становилось ветрено.

— Это прекрасно, — сказал Исаак, помолчав. — Прекрасное прощание.

— Да. Может быть.

— По-твоему, мне следует беспокоиться за Марию?

— Не знаю. — Хуртиг подумал. — Тебе на нее не наплевать, а быть человеком — значит быть способным к сочувствию, так?

— Что есть сочувствие?

— Сочувствие — это когда не хочешь ранить другого человека или навредить ему, — предположил Хуртиг и отпустил мысли на волю. — Способность вжиться в чувства другого.

— Уметь не сливать негатив на ближнего своего, — констатировал Исаак. — Вот почему политики никогда не бывают по-настоящему человечными, а может, и художники тоже. Профессии, которые требуют быть социопатом, а то и психопатом.

Хуртиг рассмеялся:

— Хочешь сказать — ты психопат, потому что художник? Ты серьезно или прикалываешься?

— Как художник я нахожусь в позиции, которая позволяет влиять на множество незнакомых мне людей. Должен ли я в таком случае снять с себя ответственность за последствия моей работы?

— Я думал, искусство — это про человеческое общение.

— Да, это *твои* слова. Но сколько людей говорит

на *этом* языке? Нет, для меня общение, коммуникация — это разговор с Марией, который так и не состоялся. Проблема в том, что я испытываю сочувствие к ней, но не знаю, как это сочувствие выразить. Я как будто стараюсь изо всех сил, но на самом деле не достигаю цели, и поэтому все мое сочувствие абсолютно бессмысленно. К тому же Мария разрушает себя, а я не думаю, что можно чувствовать эмпатию к человеку, который сам себя ненавидит.

Исаак выглядел так, словно сказанное им было само собой разумеющимся, — черта, которой Хуртиг завидовал и которой восхищался. Исааку еще не исполнилось тридцати, а сам Хуртиг подбирался к сорока.

— Когда сестренка умерла, я себя возненавидел, — сказал Хуртиг, помолчав. — Думал только про маму и папу. Сочувствие — чувство избирательное, разве это не страшно?

— У тебя была особая ситуация.

— Может быть. Но разве не избирательно все вокруг нас? Люди говорят “сочувствую”, но их сочувствие — до определенного предела. Они сочувствуют тем, кто рядом с ними, но им в высочайшей степени наплевать на всех прочих.

Под мостками булькала вода; воздух с соленого Балтийского моря вдруг показался Хуртигу еще более соленым. Ветер усилился, громче застучали ветки по жестяной крыше. Будет шторм, подумал Хуртиг.

— Ты мне нравишься, Йенс, — сказал Исаак с кривой улыбкой.

— Ты мне тоже.

Пиво допили в молчании; вечер начинал дремать, а море — просыпаться. Пена на кромке волн, розовый туман вокруг трех скалистых островков поэтического севера.

Исаак заметил, что Стриндберг начал роман “На шхерах” в деревянном домике на острове. Хуртиг ответил, что понимает, почему, и предложил завтра поехать посмотреть.

— Если этот дом еще там. Или то, что от него осталось.

— Нет, я — в город. — Исаак поставил банку с пивом. — Надо поработать, прежде чем рвануть в Берлин.

Хуртиг подумал о прошлом визите Исаака в немецкую столицу. Он тогда вернулся домой полным новых идей. Будущие картины, грядущие выставки. Уехать из Швеции, из ограниченного мирка художников Эстермальма, где все всех знают, — это как вливание витаминов.

— Хочешь, чтобы я поехал с тобой?

— Да нет. Успеем повидаться до пятницы, до моего отъезда. Ты лучше отдыхай. Не так часто тебе удается вырваться из города.

— Первая свободная неделя после летнего праздника — нам тогда дали два дня.

— Отпуск на шхерах в конце октября. Довольствуйся тем, что имеешь.

— Скорее, тем, что дают. Хотя у меня совесть немного неспокойна, оттого что я сижу тут каждый вечер, пиво попиваю.

Исаак посмотрел на море.

— Не с чего твоей совести быть беспокойной, —
сказал он и положил руку Хуртигу на плечо.

Ветки стучали по крыше.

— Остановись, мгновенье... Ты прекрасно.

Исполняющий обязанности комиссара полиции Йенс Хуртиг рассмеялся:

— Это что?

— Просто объяснение в любви. Из “Фауста” Гёте.

ВАНЬЯ

Сёдермальм

В западной части современного Сёдермальма журналистов гнездится больше, чем где-либо в Швеции. Почти три процента населения профессионально пишут что-то.

Район к востоку от Гётгатам раньше назывался Кнугсёдер, а небезопасную западную часть прозвали Нивсёдер. Позднее, по мере того как район заселялся обеспеченными людьми и цены на жилье росли, название превратилось в более утонченное: Хуммернивсёдер.

Ванье Юрт скоро должно было исполниться шестнадцать; она жила в Нивсёдере с приемными родителями — Эдит и Полом.

Сегодня возвращение домой заняло у Ваньи несколько часов.

Три неудачные попытки заказать крепкое пиво в трех же кабаках Ванья компенсировала двумя банками легкого пива на баскетбольной площадке воз-

ле гимназии; потом Ванья направилась к банкомату на Катарина-Бангата — только ради того, чтобы обнаружить, что потеряла карту.

Она как раз собралась уходить, когда заметила того старика. Совсем одинокого, с роллатором, в темноте перед банкоматом.

Ванья увидела, как несколько сложенных пятисоток исчезают в бумажнике. Старик положил сумку для покупок в корзинку ходунков на колесах, после чего медленно обогнул угол и двинулся по Бундегатан.

Ванья последовала за ним. Когда она приблизилась к старику сзади, у нее зазвонил телефон; сигнал резко забренчал между каменных домов и по безлюдной улице.

Вот дерьмо, подумала она; старик остановился, обернулся и посмотрел на нее. Ванья не стала отвечать на звонок.

Вместо этого она решила воспользоваться случаем.

Пока телефон звонил, Ванья выхватила сумку из корзинки и бросилась бежать.

Причитания старика потонули в назойливых сигналах, стихших только после того, как Ванья вернула за ближайший угол.

Ванья припустила по Эстергётагатан — и увидела полицейскую машину.

В десяти метрах от себя. Над передними сиденьями — силуэты двух голов. Повернуть назад Ванья не могла. Бежать мимо машины тоже было невозможно; Ванья понадеялась, что полицейские не видели, как она на всех парах вылетает из-за угла.

Ванья замедлила шаг и, постаравшись принять беззаботный вид, пошла прямо на машину.

Вопли старика стихли. Может быть, ей повезет завернуть за угол до того, как он доберется до перекрестка.

Тут телефон зазвонил снова. Ванья быстро достала его из кармана и отключила звук.

И пошла дальше.

Еще несколько метров. Повернув налево, на другую улицу, она побежала. Осёгатан и назад, к Гётгатан.

Только у входа в метро на Медбургаплатсен она перешла на шаг.

Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Ванья чувствовала себя такой живой.

Когда Мария позвонила в третий раз, Ванья сидела в вагоне метро, держа на коленях сумку старика. Она достала телефон, хотела ответить, но передумала.

Она просто не в состоянии отвечать. Иногда общение с Марией так утомляет.

Перед пересадкой на станции “Слюссен” Ванья обнаружила, что сумка, помимо бумажника с семью пятисотками, содержит таблетки от головной боли и потертый ежедневник.

Она стала листать книжечку.

Ежедневные записи. Подробнейшие наблюдения за погодой, а еще по какой-то причине старик записывал, какие именно большегрузные машины проехали мимо его окон.

Ванья почувствовала, что сейчас расплчется, но, хотя вагон был почти пустой, она решила не давать воли слезам. Слезы — это очень личное.

На стекле перед ней красовалась реклама крупной косметической фирмы. Сногшибательная дама улыбалась отбеленными содой зубами, и Ванья посмотрела на собственное отражение рядом с рекламой. Иссиня-черные волосы торчат в разные стороны, под глазами темные круги. Некоторые говорят — она симпатичная, но она-то знает, что они врут. Ванья достала из кармана ручку и припомнила блог, который читала последние несколько дней.

“Накрасься так, чтобы тебя перестало быть видно, и не забудь про половые губы! — написала она через все лицо женщины и добавила: — Если у тебя целлюлит — покончи с ним!”

На “Цинкенсдамм” в вагон вошел какой-то потрепанный парень. В руке у него была пачка листовок, и он положил одну на сиденье рядом с Ваньей, после чего направился к другим пассажирам.

Изображение малыша, несколько слов о раке и бедности.

Ванья положила шесть из семи пятисоток на сиденье, поднялась и встала у дверей.

Она успела выйти, прежде чем парень обнаружил ее жертвование.

Возле станции “Хорнстуль” творилась неразбериха из-за перестройки старой стоянки такси. Политики решили сделать Хорнстулю подтяжку лица, хотя жители и протестовали. Приемные родители

Ваньи, Эдит и Пол, были из активистов, пытавшихся остановить строительство, но их старания оказались напрасными. Над старой площадью теперь высилась галерея из стекла и бетона.

Это — ее, Ваньи, часть города. Здесь она живет. И здесь ей суждено умереть.

Скоро. Когда придет бандероль.

Ванья зашвырнула сумку старика с таблетками и пустым кошельком в контейнер для строительного мусора, но ежедневник оставила себе. Она возьмет его в “Лилию” и попросит Айман помочь переплести его.

Айман — ее куратор в “Лилии”, она из тех немногих, на кого Ванья может положиться. Айман знает, что значит быть изгоем, и в ней есть что-то загадочное, что нравится Ванье.

Ванья порылась в карманах. Ручка, пятисотка и одна-единственная сигарета.

Она свернула налево, зашла в “Иса” на Бергсундс-странд, взяла корзину и пошла по рядам. Наполнив корзинку, она встала в очередь в кассу за типом в очках с толстыми линзами и кислым выражением лица. Положив разделитель на конвейер, Ванья принялась выкладывать покупки, потом потянулась к сигаретам, взяла три пачки и положила на ленту. Взялась за лоб.

— Ах да... — пробормотала она. — Кофе... — Она быстро побросала все обратно в корзину и вернулась к полкам. Взяла кофе, протолкнула сигареты в рукав куртки и вернулась на кассу.

— Кофе забыла? — спросила кассирша.

Не в первый раз Ваня проделывала этот трюк; она знала: чтобы все получилось, надо произвести приятное впечатление.

Ребра словно давили на легкие, каждый вдох давался с трудом. Свитер намок от пота. Ваня собиралась украсть сигареты не потому, что у нее не было денег, и не потому, что была слишком юной, чтобы ей их продали.

Она просто хотела еще немного побыть живой.

Пока кассирша пробивала покупки, Ваня укладывала их в пластиковый пакет; закончив, она принялась шарить по карманам.

— Ах, чёрт, — вздохнула она, трогая пальцем пятисотку в кармане, — деньги забыла. Можно оставить пакет здесь? — она указала на пустое место рядом с кассиршей. — Я вернусь через пять минут.

— Давай его сюда. — Кассирша понимающе улыбнулась.

— Спасибо вам огромное, — сказала Ваня и быстро удалилась.

Возле магазина ей встретился парень, она знала его, но имени не помнила. Парень сделал вид, что не заметил ее, но Ваня была уверена: заметил. То, как он отвел глаза в сторону, ее не обмануло. Беги или умри, подумала она.

В девятом классе Ваня переспала с ним, потому что ей стало его жалко. Необязательно встречать пятнадцатилетие девственником. Ей даже пришлось уговаривать этого типа — так он разнервничался. Тем же вечером он обновил свой статус в Фейсбуке, написав, что она шлюха.

Ванья постояла, наблюдая, как он самоуверенно шагает вверх по улице, а потом вошла в подъезд.

Они жили в четырехкомнатной квартире на верхнем этаже. Отремонтированная кооперативная квартира. Ванья поражалась, как Эдит и Полу вообще платят за то, что они пишут. Книжки Эдит, похожие на пособие по изучению собственного пупка, и так называемые глубокие репортажи Пола. Оба пишут на общественные темы, столь превозносимые другими, но Ванья считала, что вся их писанина — о них самих. Двое эгоцентриков. Называют себя левыми, а люстру купили хрустальную, фирменную, за двадцать пять тысяч. Болтовня и теории, никакой практики.

Все вранье.

Войдя в прихожую, она услышала голоса с кухни. Пришел Хольгер Сандстрём; Ванья знала, что он принес деньги. Время от времени он давал тысячу-другую в долг парочке писателей, когда те садились на мель. Хольгеру было под семьдесят, но он до сих пор работал и хорошо зарабатывал.

Как-то летом четыре года назад Ванья жила у Хольгера две недели, пока Эдит с Полом были в отпуске. Хольгер был такой хороший, возил ее и в Скансен, и в Грёна-Лунд... славные вышли две недели.

— Как Ванья? — спросил Хольгер. Ванья поняла, что на кухне не слышали, как она вернулась. — Получше? Нашли общий язык?

— Она в “Лилии” с Марией. Закадычные подружки. — Это Эдит. — Рассказывает мало, но мы думаем — в школе все нормально, и...

— Чушь собачья, — вмешался Пол. — Девчонка ленится. Не дура, но совершенно безынициативная. Всех интересов в жизни — музыка и макароны.

Хольгер рассмеялся.

— Да-да. А макароны вы теперь можете себе позволить. — Он выдержал короткую паузу. — Во всяком случае, если вам по вкусу макароны быстрого приготовления.

— Ты получишь назад все до единого эре, как только выйдет книга, — проворчала Эдит, и Ванья подумала, что подслушивать как-то противно. Она осторожно открыла дверь, а потом как следует хлопнула.

— А вот и она, — сказал Пол, и Ванья услышала, как он кладет нож и вилку на тарелку.

Они сидели за кухонным столом. Эдит курила сигариллу, Пол зажег одну из своих ментоловых.

Только элита и быдло курят дома, подумала Ванья. Им же надо обозначить, что они не какие-нибудь середнячки Свенссоны.

— Ужин остыл, — сказал Пол. Ванья заметила, что вена на лысой голове надулась, как земляной червяк, и поняла, что он раздражен.

— Я ходила в магазин, но потеряла карту, а денег с собой не было.

Эдит затушила сигариллу.

— Я могу спуститься... Все равно мне надо немного размяться.

— Ладно, я схожу, — сказал Пол, — но это, чёрт возьми, в последний раз. — Он поднялся, хмуро глянул на Хольгера и вышел в коридор. Эдит попы-

талась улыбнуться Ванье. Из-за острых черт лица и темных глаз она казалась злой, хотя злой не была.

Мария часто говорила, что Эдит красивая, но Ванье казалось, что Эдит похожа на ведьму. Пепельно-серые, прямые, как спицы, волосы свисали до самой поясицы.

— Что так поздно?

— Просто ходила погулять, — ответила Ванья. Пожала плечами, повернулась спиной к Эдит и Хольгеру и ушла к себе.

Заперла за собой дверь, надежности ради.

Из окна ей был виден молодежный центр “Лилия”, по ту сторону воды. Мир тесен.

Ванья вытащила из-под кровати коробку. Сняла крышку и верхний слой — поздравительные открытки, письма от приятелей, сувениры на память о детских каникулах. Двое часов, кое-какие серебряные украшения, брошка из настоящего золота, три мобильных телефона и разные побрякушки, которые она уже сама не помнила, зачем стащила. Почти две тысячи крон наличными были зажаты скрепкой, и Ванья подсунула под нее еще пятисотку старика, после чего закрыла крышку и запихала коробку назад, под кровать.

Подошла к книжной полке и вытащила свой дневник, зажатый между двумя книжками про Гарри Поттера — Ванья получила их от Хольгера, когда ей исполнилось тринадцать и четырнадцать лет соответственно.

Буквы прыгали перед глазами, но она все же прочитала обе книжки.

Теперь Ванья знала, что она дислексик. А тогда решила, что она просто чокнутая.

Айман говорила, что и Агата Кристи, и Эрнест Хэмингуэй были дислексиками и что писать — это значит рассказывать.

Ванья уселась на пол, подключила динамики к компьютеру и привалилась спиной к кровати. Грохочущий бас потрескивал, словно в струнах были перебой с электричеством.

Ванья открыла дневник и принялась писать. Не потому, что Айман призывала ее к этому, а просто потому, что слова пришли.

И она обещала Марии, что будет писать.

“Что делать, если у тебя нет мечты?”

Певец по имени Голод помогал ей выразить себя; она надеялась, что бандероль с кассетой придет скоро. Тогда она, Ванья, наконец окажется перед выбором, от которого не уйти.

Жить или умереть.